

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 451-459
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.451

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Gateways of Mobility” in Imperial Russia: Interaction with Migrants of Other Ethnicities (based on the example of the Chinese)

Andrey A. Avdashkin ^{a, *}

^aPerm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

This article examines the interactions between migrants and Russian authorities, using the example of the Chinese. The author focuses on mobility hubs or gateways. Shenk's concept of “gateways of transcontinental migration” serves as a research lens, examining checkpoints and interactions at key transportation hubs. The narrative focuses on two main locations: resettlement centers and the *Millionka* Chinese quarter in Vladivostok. Drawing on documents from the State Archives of the Russian Federation (GARF) and the United State Archives of the Chelyabinsk Region (OGACHO), as well as periodicals, this article analyzes the perspective on interactions with Chinese migrants in these locations. Given the complex context of interaction, on the one hand, the Chinese were perceived as a faceless actor in mobility processes (one of many) or as a necessary labor force, while on the other, the Chinese were seen as a source of numerous sanitary risks and social problems caused by the situation in the host society. Government officials often emphasized problems of unsanitary conditions, overcrowding, and deviant behavior in their observations, which, whether consciously or not, nevertheless led to a certain dehumanization of migrants. The experience of everyday interaction in the context of such “mobility gateways” could have long-term consequences for defining the contexts of intergroup (interethnic) relations, identifying vectors for implementing state policy toward migrant groups, and shaping ethnic stereotypes in Russia in the early XXth century.

Keywords: Late Imperial Russia, migration, mobility, Chinese, Chelyabinsk resettlement center, Millionka.

1. Введение

Миграция остаётся крайне чувствительной темой для российского общества на всех этапах его исторического развития. Репрезентации этого явления отрывочны, не все группы с миграционным опытом обладают возможностью воспроизводства коллективной памяти о своём пребывании в принимающей стране (См.: [Линченко, Аникин, 2024](#)). Память о проживании той или иной мигрантской группы в российском обществе обладает важным значением, в том числе для формирования коллективных представлений об опыте взаимодействия с ней, регулировании повседневных отношений «своих» и «чужих». Так вышло, что мигранты, в особенности, когда речь заходит об их иноэтничности, как в случае с китайцами, воспринимаются весьма подозрительно, сквозь призму различных коллективных опытов, положительных и отрицательных стереотипов. В России, в отличие от стран Юго-Восточной Азии, Северной Америки или Европы ([Гордон, 2022](#); [Ван, 2024](#)), не сложилась разветвлённая китайская диаспора. Однако дискуссии о ней, формах её организации в пространстве носили достаточно острый характер в позднеимперский период.

Упоминания о китайских кварталах или локациях, связанных с миграцией из Китая в позднеимперской России, эпизодически встречаются в прессе, отражены на страницах

* Corresponding author

E-mail addresses: adrianmaricka@mail.ru (A.A. Avdashkin)

художественных произведений, музейных экспозициях, иногда – в городских вернакулярах. Затронутую проблему невозможно рассмотреть в рамках одной рукописи, поэтому внимание фокусируется только на основных локациях и сюжетах, связанных с китайской миграцией в Россию в начале XX в.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы составили заметки секретаря Переселенческого управления М. Гребенщикова, уполномоченного Министерства иностранных дел В. Граве и др., содержащие позицию властей империи в отношении китайской миграции. Материалы дореволюционных печатных изданий позволяют проследить, как применялись механизмы социальной эксклюзии/инклюзии для описания мест проживания китайских мигрантов.

Свою важную роль в подготовке данной рукописи играли материалы Департамента полиции Министерства внутренних дел из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Москва, Российская Федерация) (например, Ф. 102). Они содержат документы о китайской миграции (оценки санитарных и иных рисков, общие подходы властей и др.). Документы, отложившиеся в фонде Заведующего передвижением переселенцев по Европейской России и Западной Сибири Министерства земледелия Объединённого государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) (Челябинск, Российская Федерация), содержат целый комплекс сведений о движении партий китайских рабочих через Челябинский переселенческий пункт (Ф. И-13). Помимо отчётности о движении эшелонов, снабжении рабочих продовольствием и санитарных мероприятиях, изученные документы позволяют судить о проблемах взаимодействия представителей российских властей с группами китайских рабочих.

Формат рукописи ограничен, поэтому не все источники использованы в полном объёме. Столь разнородный комплекс данных оставляет у читателя справедливые вопросы о его репрезентативности. Однако привлечение этих материалов позволяет преодолеть познавательные ограничения, накладываемые характером имеющихся источников, и увидеть динамику изучаемого явления.

Наиболее рельефно затронутые проблемы способны раскрыть контакты с мигрантами там, где происходило их передвижение, регистрация, там, где они чаще всего попадали в поле зрения представителей российских властей. Б. Шенк концептуализировал искомые нами объекты как шлюзы трансконтинентальной миграции (Шенк, 2019). Под ними автор подразумевал специфический тип социальной и пространственной организации, возникновение которого пришлось на рубеж XIX–XX вв. Такие пункты формировались как места модерности, сочетающие в себе одновременно функции контроля, управления, фиксации статических данных и удовлетворение различных потребностей многочисленных мигрантов, следовавших через них. Тем самым шлюзы трансконтинентальной миграции возникли в ответ на массовость миграции и развитие инфраструктуры мобильности (железнодорожное сообщение, морской и речной транспорт), значительным повышением роли научного и экспертного знания (медицинское сопровождение и статистическая фиксация данных). Свою роль вносило и усиление контроля над мобильностью со стороны государственных институтов.

Шлюзы трансконтинентальной мобильности отличает не только время возникновения (рубеж XIX–XX вв.). Для них характерно расположение в значимых или узловых точках транспортной инфраструктуры – это могут быть крупные морские порты или железнодорожные узлы, как в случае с Челябинском и Владивостоком, где сочетались функции по управлению, осуществлению контроля и учёту мигрантов. Кроме того, такие шлюзы мобильности являлись важным местом встречи мигрантов, собственно «других», с представителями российских властей и экспертного сообщества, а опыт этих контактов тщательно фиксировался. Избранный подход позволял автору фокусироваться на двух основных локациях, где происходило взаимодействие принимающей стороны и китайских мигрантов в позднеимперской России. На локальном уровне все перипетии взаимодействия принимающей стороны и «других» можно рассматривать более чётко.

Челябинский переселенческий пункт предназначался для крестьян, следовавших в Восточные районы империи. Основная его миссия заключалась в оказании медицинской помощи и регистрации сначала внутренних мигрантов, а затем, с началом Первой мировой войны, и внешних – китайских рабочих, законтрактованных для работы на уральских предприятиях. Однако в культурной памяти российского общества переселенческий пункт практически забыт и никак не музефицирован. Первый китайский рынок во Владивостоке сложился уже в середине XIX в. и именовался Манзовским. Вскоре городские власти обеспокоили целый комплекс санитарных проблем, связанных с содержанием домов и торговых прилавков. К началу XX в. Миллионка и китайский квартал стали для современников синонимами. На сегодняшний день память о китайском квартале практически стёрта из памяти горожан, не отражена в городском ландшафте.

3. Обсуждение

В исторической литературе уже достаточно подробно освещены важные вопросы китайской миграции (Ларин, 2009), но собственно имагологические сюжеты только недавно стали объектом

изысканий в хронологических рамках поздней империи (Кудрявцева, 2014; Семенчук, 2023; Позняк, 2023). Ранее исследователи фокусировались на представлениях о государстве Китая, а не о его представителях или местах их проживания (Лукин, 2007; Резвухина, 2021). На примере Владивостока, Сингапура и Сан-Франциско показано, как полемика о гигиене, здравоохранении и улучшении жилищных условий оставила пласт представлений и текстов, раскрывающих историю китайских кварталов сквозь призму истории запахов, эмоций и чувств (Урбански, 2021). Антисанитария, особая атмосфера и театрализованные представления с азиатской спецификой олицетворяли многие грани коллективной памяти о проживании китайцев в России (Нестерова, 2008; Позняк, 2024). Пристальный интерес вызывает репрезентация спорных эпизодов двухсторонних отношений через создание и развитие музеев и мемориальных комплексов в российско-китайском приграничье (Зуенко, 2023). В их числе находятся массовые беспорядки в Благовещенске (1900 г.), ставшие предметом дискуссий в позднеимперские годы и проработки этого опыта уже в современной России (Дятлов и др., 2020).

4. Результаты

4.1. Переселенческие пункты

Известно, что медико-санитарный комплекс вопросов ставился во главу угла в дискуссиях о запрете ввоза рабочей силы из Китая. Приамурский генерал-губернатор Л.Н. Гондатти настаивал на том, что китайцы, приезжавшие на территорию империи, являлись «очагом всевозможных болезней» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 56. Л. 2). В Харбине и на станции Маньчжурия оборудовались специальные врачебно-пропускные пункты для медицинского осмотра китайских рабочих. По пути следования, в Челябинске и Иркутске китайцы осматривались, мылись в бане, получали необходимые прививки, заболевших рабочих отправляли назад (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 10. Ч. 26. Л. 133). В материалах фонда И-13 зафиксирована своего рода рутина, связанная с обеспечением движения через Челябинский переселенческий пункт партий китайских и корейских рабочих, проведением дезинфекции их одежды, снабжением их продовольствием и т.д. (ОГАЧО. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1093. Л. 2; Д. 1095). Помимо прочего, Челябинский переселенческий пункт являлся лишь точкой останова в составе масштабной логистической системы, по которой непрерывно перемещались по территории империи иноэтничные мигранты, где происходили «встречи» с ними представителей российских властей. Это позволяет «встроить» эту локацию в общегосударственный контекст мобильности.

Таблица 1. Железные дороги, предприятия и учреждения на территории России, для которых через Харбин отправляли китайских рабочих (1 января 1916 г. – 1 сентября 1917 г.) (Ходяков, Чжао, 2017: 23-24)

№ п/п	Наименование предприятия или учреждения	Численность
1	Полевое строительное управление	17 053
2	Николаевская железная дорога	116
3	Северные железные дороги	2164
4	Мурманская железная дорога	9133
5	Московско-Виндаво-Рыбинская железная дорога	6358
6	Богословский горный округ	4323
7	Коломенский медный рудник	176
8	Надеждинский завод	422
9	Нижнетагильский завод	177
10	Петромариевские и Варваропольские копи	677
11	Новосильцевское горнопромышленное общество	90
12	Мариупольское металлургическое общество	172
13	Культинская мануфактура	54
14	Туринская фабричная дача Сан-Дonato	401
15	Усьвинское лесничество	444
16	Кольчугинская железная дорога	68
17	Алапаевские заводы	848
18	Угольные копи кн. Абамелек-Лазарева	2046
19	Куратинская джутовая мануфактура	62
20	Всероссийская организация земских и городских строительных партий	6397
21	Черноморская железная дорога	2151
22	Тверь-Городское самоуправление	34
23	Донецко-Грушевское акционерное общество	118
24	Общество Мальцовских заводов	193

№ п/п	Наименование предприятия или учреждения	Численность
25	Николае-Павдинский горный округ	433
26	Волхово-Рыбинская железная дорога	95
27	Трапезундская железная дорога	66
28	Московско-Казанская железная дорога	435
29	Ярославский автомобильный завод	60
30	Приморская железная дорога	322
31	Южно-Русская каменноугольная промышленность	314
32	Новотолжанский сахарный завод	540
33	Кыштымские горные заводы	178
34	Верх-Исетские горные заводы	712
35	Воронежская городская управа	174
36	Камское акционерное общество	509
37	Перевезено для обслуживания нужд, точно не определённых в донесениях управления КВЖД	9608
Итого		67121

В первую очередь в таких местах встреч принимающей стороны и мигрантов наиболее заметны могут быть социальные конфликты. Разумеется, они не носили систематического характера и были обусловлены в целом переводом экономики империи на военные рельсы, многочисленными трудностями в организации быта рабочих и т.д. Так, в Рапорте для заведующего передвижением переселенцев по европейской России и Сибири за ноябрь 1916 г. встречено упоминание о том, что, находясь на Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге, китайские рабочие регулярно принимали участие в бунтах. Контингент китайских рабочих там насчитывал порядка 6 тыс. Бывало, что они по десять дней отказывались выходить на работы. При попытке установить трудовую дисциплину рабочие отвечали актами агрессии – «смертельно избивали своих старшинок и десятников».

Главной причиной этих конфликтов становилось неудовлетворительное обеспечение продовольствием, плохие условия проживания в бараках и необеспеченность рабочих тёплой одеждой. Бараки, построенные Управлением дороги, практически не удерживали тепло, «они являлись холодными, сырыми, крыши были покрыты соломой». Последнее обстоятельство приводило к фатальным последствиям. В результате пожара (в документе особенно подчёркнуто, что жандарм подтвердил факт пожара) погибли 14 рабочих, ещё 6 получили сильные ожоги. Работа фактически в «болоте» приводила к тому, что обувь быстро изнашивалась, и китайские рабочие утрачивали мотивацию к продуктивному труду.

Документ завершается констатацией того, что необходимо «ободрять китайских рабочих, поскольку они тогда работают старательно». Местные должностные лица вместо диалога и поиска выхода из ситуации дистанцировались от проблем. Более того, некоторые из них (как выделено в документе – с высшим образованием) «почитали за удачу высечь китайца» (ОГАЧО. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1081. Л. 139–140).

Принимая во внимание крайне сложные условия быта и осуществления трудовой деятельности, одной из существенных проблем, которую фиксировали в источниках, являлись побеги рабочих. Нельзя сказать, что это явление носило массовый характер, но дезертирство группами и по одиночке задавало рамки восприятия «других» в лице китайцев. Вот один из примеров. Так, во время стоянки на станции Екатеринбург, во время обеда, из партии в 110 рабочих дезертировало 25 человек.

Поводом к побегу стала агитация, как сказано в документах, «неизвестного еврея, владеющего китайским языком». Это лицо разъясняло китайским рабочим крайне тяжёлые условия и несправедливость на предприятиях князя Абамелек-Лазарева. В свою очередь, условия по заработной плате на военных предприятиях ст. Ревда преподносились как более хорошие с целью «переманивания рабочих»: от 3 руб., тогда как на заводах Абамелек-Лазарева рабочие получали порядка 1 руб. 40 коп. за вагонетку угля (25 пудов). Для задержания агитатора и бежавших в результате его действий китайцев из Екатеринбурга вызывали жандармов, но поиски не принесли результатов (ОГАЧО. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1093. Л. 257–258).

4.2. Миллионка: портовый город или место встречи империи с китайцами

В конце XIX-начале XX в. интенсивные транснациональные связи через морские порты и расширение трудовой миграции из Азии превратили Дальний Восток в часть глобального мира. Растущее присутствие китайцев в империи вызвало сложные реакции государства, интеллектуальной элиты и широких слоёв общества, воплощённые в идеях «желтой опасности» (Дятлов, 2020: 19-25). Категоризация китайских кварталов, собственно мест проживания китайских мигрантов, как в случае с Владивостоком, возникла из необходимости сравнения России с другими государственными проектами, где китайская миграция вызывала бурную полемику, служила одним из важных источников формирования идентичности на фоне взаимодействия с «другим».

Повседневные контакты с китайцами в империи происходили в пределах городов, преимущественно на восточных окраинах, а настойчивые усилия местных администраций локализовать китайских мигрантов в пространстве более чётко не увенчивались успехом (Нестерова, 2008). Наблюдение за такими кварталами неизбежно предполагало особый акцент на телесности их обитателей, резко отличавшейся от ставших привычными европейскими стандартов. Пристальное внимание современников неизменно привлекали длинные косы и одежды, похожие на юбки (Шрейдер, 1897: 6, 12; Новости и Биржевая газета, 1900; Курьер, 1901). Вот характерное высказывание из прессы тех лет: «...у них не разберешь, баба он али мужик. Одно слово, манза» (Новости и Биржевая газета, 1900).

Помимо самих жителей, важной составляющей локаций, маркированных в качестве китайских, выступала специфическая архитектура и особые запахи. В большинстве случаев речь шла о тесном, шумном лабиринте трущоб. С одной стороны, наблюдателей пугала вероятность там заблудиться (ходили слухи о варке мыла из заплутавших чузаков), а с другой – тревогу вызывали широкие возможности для потенциальных злоумышленников надёжно затеряться и скрыться от контроля администрации в многочисленных лазейках китайского квартала. Имидж Миллионки как локаций, практически непроницаемой для государственной власти, во многом способствовал росту подозрительности в отношении китайцев, способных скрыть у себя «всякого рода отщепенцев». На этой основе появились многочисленные сравнения мест жительства китайцев с «клоакой», «ульем», «дном» и др. Во многом это вызвано широко распространёнными стереотипами о многочисленности мигрантов, которых современники нередко воспринимали исключительно как массу, «толпу» или «саранчу» (Нестерова, 2008; Дятлов и др., 2020: 18).

Отправляясь на заработки, китайцы чаще всего занимали ниши в сфере торговли и тяжёлого физического труда, что обусловило чрезвычайную плотность расселения в жилищах; зачастую они руководствовались принципом экстремальной экономии на многих потребностях. Не случайно санитарный врач Владивостока отмечал, что существенная часть зданий, где фиксировалось нарушение жилищного режима, занимали именно китайцы. Уличные туалеты в местах их проживания подтекали, внутренний двор занимали многочисленные кухни, ночлежки, курильни, публичные дома и др. заведения, работавшие без лицензий (Урбански, 2023: 287). Антисанитарию, скученность и замкнутость воспринимали чуть ли не как неотъемлемое проявление культурных особенностей китайских мигрантов, а не социально-политический контекст их жизни в принимающем обществе.

Подчас вымысел и весьма вольные интерпретации авторов публицистических текстов и заметок преподносились как проверенные и достоверные факты, а китайцы неизбежно дегуманизировались перед читателем и изображались серьёзной угрозой. Их окружали ареалом нечистоплотности, отсутствия элементарных представлений об организации быта и опрятности, а «грязь в местах проживания меркла перед трущобами Сенной площади» (Гребенщиков, 1887: 113-114). Неизменным атрибутом китайскости называли неприятные запахи, «смад и дым», исходивший от опиумных курил, кухонь и небольших печек.

Важной составляющей представлений о пространстве, где жили китайцы, являлись описания нечистоты, «плохой организации отхожих мест, потоков помоев и кухонных отходов, вони жилищ» (Гребенщиков, 1887: 113-114; От Владивостока до Никольского..., 1894; Граве, 1912: 117; Богословский, 1913). В. В. Граве так описывал свои впечатления от посещения центральной части Владивостока: «...грязь, ужасный запах и скученность напоминали худшие кварталы Пекина» (Граве, 1912: 125). Городской голова В. П. Маргаритов констатировал, что Владивосток окружен «некультурным народом, у которого регулярно свирепствуют эпидемии» (Урбански, 2021: 289). После вспышки холеры 1890 г. специальная комиссия констатировала скученность и неудовлетворительную санитарную ситуацию в городских квартирах китайцев.

Однако память о китайских кварталах в позднеимперской России связана не только с телесностью их обитателей и общей экзотической атмосферой. К сожалению, одним из сюжетов являлось насилие и социальные конфликты, жертвами которых по воле случая могли становиться выходцы из Поднебесной. Таким важным эпизодом стали массовые беспорядки в Благовещенске в 1900 г., названные «Благовещенской утопией» (В. Благовещенская «Утопия»..., 1910), после которых китайцы, столь важные для функционирования городской инфраструктуры и экономики, на некоторое время просто пропали. Трагическое стечение обстоятельств – оторванность от метрополии, явные просчёты управленцев в оценке сложившегося положения, неспособность городских чинов оперативно навести порядок и взять ситуацию в свои руки, предотвратить панику и прогнозировать поведение фрустрированных жителей – привели к беспорядкам и гибели нескольких тысяч невинных китайцев.

Трагические события в Благовещенске вызвали широкую огласку, в том числе за границей, но о них предпочли как можно скорее «забыть», а само дело «замять». Никто из управленцев не хотел тогда признать факты некомпетентности властей как центра, так и регионов. Сам факт погрома и массового убийства в реалиях того времени наносил бы крайне болезненный удар по имиджу империи как европейской и просвещённой, поэтому ответственность за произошедшее поспешили возложить на отдельных должностных лиц и анонимную толпу. В скором времени жизнь в

Приамурье вернулась в привычный ритм, и китайцы – торговцы и рабочие – вновь стали важной частью городской жизни (Дятлов и др., 2020).

5. Заключение

Таким образом, рассмотренный пример шлюзов мобильности демонстрирует, как в позднимперской России происходило интенсивное формирование и переосмысление опыта взаимодействий между представителями российских властей и мигрантов, в данном случае китайцев. В результате чего административные практики контроля и учёта мобильности играли важную роль в межгрупповых отношениях. Органы власти оценивали китайцев не только как важный источник рабочей силы, но и как устойчивый фактор санитарных рисков, роста социальной напряжённости, на что накладывалась культурная инаковость китайских мигрантов, специфические ракурсы, с которых их телесность оценивалась принимающей стороной. Ключевую роль в этом процессе играли точки трансконтинентальной миграции, такие как Челябинский переселенческий пункт (равно как и аналогичные ему локации) и Владивостокская «Миллионка». Там происходили непосредственные контакты и фиксация повседневного или рутинного опыта взаимодействия. Этот опыт – специфический по своей сути ввиду контекста – обладал долгосрочными мировоззренческими последствиями не только для отношений принимающей стороны и мигрантов. В этом контексте на дальнейших исторических этапах оценивались стратегии реализации государственной национальной политики и ракурсы преломления феномена этничности как на общегосударственном, так и региональном уровнях.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00467, <https://rscf.ru/project/25-18-00467>.

Литература

- Богословский, 1913 – Богословский Л. Крепость-город Владивосток и китайцы // *Вестник Азии*. 1913. № 13. С. 20-33.
- В. Благовещенская «Утопия»..., 1910 – В. Благовещенская «Утопия» // *Вестник Европы*. 1910. № 7. С. 231-241.
- Ван, 2024 – Ван Ц. Китайская диаспора Дальнего Востока России: история, современность и перспективы // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12. № 1. С. 66-78.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гордон, 2022 – Гордон А.В. Маршруты идентичности в китайской диаспоре Франции // *Диалог со временем*. 2022. № 78. С. 243-259.
- Граве, 1912 – Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Труды Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912.
- Гребенщиков, 1887 – Гребенщиков М.Г. Путевые записки и воспоминания по Дальнему Востоку. СПб.: тип. Я.И. Либермана, 1887.
- Дальний Восток, 1894 – *Дальний Восток*. 1894. № 112.
- Дятлов, 1910 – Дятлов В.И. Благовещенская «Утопия» // *Вестник Европы*. 1910. № 7. С. 231-241.
- Дятлов и др., 2020 – Дятлов В.И., Гузей Я.С., Сорокина Т.Н. Китайский погром. Благовещенская «Утопия» 1900 года в оценке современников и потомков. СПб.: Нестор-История, 2020.
- Зуенко, 2023 – Зуенко И.Ю. Музеи и мемориальные объекты в российско-китайском трансграничье: перспективы создания «компромиссной» версии общей истории // *Сравнительная политика*. 2023. Т. 14. № 3. С. 23-38.
- Кудрявцева, 2014 – Кудрявцева Т.М. «Китай-царь»: китайцы в восприятии русского народа в период «боксерского восстания» (по материалам русской печати) // *Клио*. 2014. № 8. С. 82-85.
- Курьер, 1901 – *Курьер*. 1901. 3 марта.
- Ларин, 2009 – Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009.
- Линченко, Аникин, 2024 – Линченко А.А., Аникин Д.А. Память миграционных сообществ в музейном пространстве Москвы: дискурсивные стратегии и режимы видимости // *Диалог со временем*. 2024. № 87. С. 184-197.
- Лукин, 2007 – Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007.
- Нестерова, 2008 – Нестерова Е.И. «Атлантида городского масштаба»: китайские кварталы в дальневосточных городах (конец XIX – начало XX в.) // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 4. С. 44-58.
- Новости и Биржевая газета, 1900 – *Новости и Биржевая газета*. 1900. 25 июля.
- ОГАЧО – Объединённый государственный архив Челябинской области.

От Владивостока до Никольского..., 1894 – От Владивостока до Никольского по ж. д. *Журнал «Дальний Восток»*. 1894.

Позняк, 2023 – Позняк Т.З. Китайские мигранты и региональная администрация на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX - начале XX в. в свете исследований Джеймса Скотта // *Ойкумена*. 2023. Т. 66. № 3. С. 12–24.

Позняк, 2024 – Позняк Т.З. Повседневная история городов российского Дальнего Востока второй половины XIX - начала XX в.: итоги и перспективы изучения // *Россия и АТР*. 2024. № 123 (1). С. 59-80.

Резвухина, 2021 – Резвухина А.И. «Крадущийся тигр, затаившийся дракон»: репрезентация стран Дальнего Востока в российских карикатурах 1890-1905 гг. // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3. № 3. С. 174-198.

Семенчук, 2023 – Семенчук К.А. Церковная периодическая печать рубежа XIX-XX вв. об народах Сибири и Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 489. С. 143–152.

Урбански, 2021 – Урбански С. «Китайская чума»: синофобские дискурсы во Владивостоке, Сан-Франциско и Сингапуре в конце XIX- начале XX века // *Регионы Российской империи. Идентичность, репрезентация, (на)значение* / Под. ред. Болутновой, Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение. С. 269-294.

Урбански, 2023 – Урбански С. За степным фронтиром: История российско-китайской границы. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Ходяков, Чжао, 2017 – Ходяков М.В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России*. 2017. № 1. С. 7-30.

Шенк, 2019 – Шенк Ф.Б. Шлюзы трансконтинентальной миграции как места модерности // *Вестник Пермского университета. История*. 2019. № 1 (44). С. 114-128.

Шрейдер, 1897 – Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1897.

References

Bogoslovskii, 1913 – Bogoslovskii, L. (1913). Krepost'-gorod Vladivostok i kitajcy [The fortress-city of Vladivostok and the Chinese]. *Vestnik Azii*. 13: 20-33. [in Russian]

Dal'nij Vostok, 1894 – *Dal'nij Vostok*. 1894. 112. [in Russian]

Dyatlov i dr., 2020 – Dyatlov, V.I., Guzei, Ya.S., Sorokina, T.N. (2020). Kitaiskii pogrom. Blagoveshchenskaya «Utopiya» 1900 goda v otsenke sovremennikov i potomkov [The Chinese pogrom. The Blagoveshchensk “Utopia” of 1900 in the assessment of contemporaries and descendants]. SPb.: Nestor-Istoriya. [in Russian]

Dyatlov, 1910 – Dyatlov, V.I. (1910). Blagoveshchenskaja «Utopija» [The Blagoveshchensk “Utopia”]. *Vestnik Evropy*. 7: 231-241. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federatsii [State Archives of the Russian Federation].

Gordon, 2022 – Gordon, A.V. (2022). Marshruty identichnosti v kitajskoj diaspora Francii [Routes of identity in the Chinese diaspora of France]. *Dialog so vremenem*. 78: 243-259. [in Russian]

Grave, 1912 – Grave, V.V. (1912). K Kitaitsy, koreitsy i yaponsy v Priamur'e. Trudy Amurskoj jekspedicii. Vyp. XI [Chinese, Koreans and Japanese in the Amur Region. Works of the Amur Expedition. Vol. XI]. Sankt-Peterburg, Tipografija V.F. Kirshbauma. [in Russian]

Grebenshchikov, 1887 – Grebenshchikov, M.G. (1887). Putevye zapiski i vospominaniya po Dal'nemu Vostoku [Travel Notes and Memoirs of the Far East]. Sankt-Peterburg, Tip. Ja.I. Libermana. [in Russian]

Hodjakov, Chzhao, 2017 – Hodjakov, M.V., Chzhao, Ch. (2017). Trudovaja migracija kitajcev v Rossiju v gody Pervoj mirovoj vojny [Labor migration of Chinese to Russia during the First World War]. *Novejšaja istorija Rossii*. 1: 7-30. [in Russian]

Kudrjavitseva, 2014 – Kudrjavitseva, T.M. (2014). «Kitaj-car'»: kitajcy v vosprijatii russkogo naroda v period «bokserskogo vosstaniya» (po materialam russkoj pečati) [“China-Tsar”: Chinese in the perception of the Russian people during the “boxer rebellion” (based on Russian press materials)]. *Klio*. 8: 82-85. [in Russian]

Kur'er, 1901 – Kur'er. 1901. 3 marta. [in Russian]

Larin, 2009 – Larin, A.G. (2009). Kitajskie migranty v Rossii. Istorija i sovremennost' [Chinese migrants in Russia. History and modernity]. М., Vostochnaja kniga. [in Russian]

Linchenko, Anikin, 2024 – Linchenko, A.A., Anikin, D.A. (2024). Pamjat' migracionnyh soobshhestv v muzejnom prostranstve Moskvy: diskursivnye strategii i rezhimy vidimosti [Memory of migrant communities in the museum space of Moscow: discursive strategies and regimes of visibility]. *Dialog so vremenem*. 87: 1840197. [in Russian]

Lukin, 2007 – Lukin, A.V. (2007). Medved' nabljudat za drakonom. Obraz Kitaja v Rossii v XVII–XXI vekah [The Bear watches the dragon. The image of China in Russia in the 17th – 21st centuries]. М., Vostok-Zapad: AST. [in Russian]

- Nesterova, 2008** – Nesterova, E.I. (2008). «Atlantida gorodskogo masshtaba»: kitajskie kvartaly v dal'nevostochnyh gorodah (konec XIX – nachalo XX v.) [“Atlantis on an Urban Scale”: Chinese quarters in Far Eastern cities (late 19th – early 20th centuries)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4: 44-58. [in Russian]
- Novosti i Birzhevaja gazeta, 1900** – *Novosti i Birzhevaja gazeta*. 1900. 25 ijulja. [in Russian]
- OGACHO** – Ob"edinennyj gosudarstvennyj arkhiv Chelyabinskoy oblasti [Unified State Archives of Chelyabinsk Oblast].
- Ot Vladivostoka do Nikol'skogo..., 1894** – Ot Vladivostoka do Nikol'skogo po zh. d. [From Vladivostok to Nikolskoye by rail]. *Zhurnal «Dal'nii Vostok»*. 1894. [in Russian]
- Poznjak, 2023** – Poznjak, T.Z. (2023). Kitajskie migranty i regional'naja administracija na rossijskom Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. v svete issledovanij Dzejmsa Skotta [Chinese migrants and the regional administration in the Russian Far East in the second half of the 19th – early 20th centuries in the light of James Scott's research]. *Ojkumena*. 66(3): 12-24. [in Russian]
- Poznjak, 2024** – Poznjak, T.Z. (2024). Povsednevnaia istorija gorodov rossijskogo Dal'nego Vostoka vtoroj poloviny XIX - nachala XX v.: itogi i perspektivy izuchenija [Everyday history of the Russian Far East cities in the second half of the 19th – early 20th centuries: results and prospects of the study]. *Rossija i ATR*. 123(1): 59-80. [in Russian]
- Rezvuhina, 2021** – Rezvuhina, A.I. (2021). «Kradushhijsja tigr, zataivshijsja drakon»: reprezentacija stran Dal'nego Vostoka v rossijskih karikaturah 1890-1905 gg [“Crouching Tiger, Hidden Dragon”: Representation of Far Eastern Countries in Russian Caricatures of 1890-1905]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 3(3): 174-198. [in Russian]
- Semenchuk, 2023** – Semenchuk, K.A. (2023). Cerkovnaja periodicheskaja pechat' rubezha XIX-XX vv. ob inorodcah Sibiri i Dal'nego Vostoka [Church periodicals at the turn of the XIX-XX centuries about the natives of Siberia and the Far East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 489: 143-152. [in Russian]
- Shenk, 2019** – Shenk, F.B. (2019). Shljuzzy transkontinental'noj migracii kak mesta modernosti [The Sluices of Transcontinental Migration as Sites of Modernity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*. 1(44): 114-128. [in Russian]
- Shrejder, 1897** – Shrejder, D.I. (1897). Nash Dal'nij Vostok [Our Far East]. Sankt-Peterburg, Izdanie A.F. Devriena. [in Russian]
- Urbanski, 2021** – Urbanski, S. (2021). “Kitajskaja chuma”: sinofobskie diskursy vo Vladivostoke, San-Francisko i Singapore v konce XIX – nachale XX veka [“Chinese Plague”: Sinophobic Discourses in Vladivostok, San Francisco and Singapore in the late 19th and early 20th centuries]. *Regiony Rossijskoj imperii. Identichnost', reprezentacija, (na)znachenie*. Pod. red. Bolutnovoj, Sanderlenda. M., Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 269-294. [in Russian]
- Urbanski, 2023** – Urbanski, S. (2023). Za stepnym frontirom: Istorija rossijsko-kitajskoj granicy [Beyond the Steppe Frontier: A History of the Russo-Chinese Border]. M., Novoe literaturnoe obozrenie. [in Russian]
- V. Blagoveshchenskaya «Utopiya»..., 1910** – V. Blagoveshchenskaya «Utopiya» [V. Blagoveshchenskaya «Utopia»]. *Vestnik Evropy*. 1910. 7: 231-241. [in Russian]
- Van, 2024** – Van, C. (2024). Kitajskaja diaspora Dal'nego Vostoka Rossii: istorija, sovremennost' i perspektivy [The Chinese Diaspora in the Russian Far East: Past, Present and Future]. *Quaestio Rossica*. 12(1): 66-78. [in Russian]
- Zuenko, 2023** – Zuenko, I.Ju. (2023). Muzei i memorial'nye ob"ekty v rossijsko-kitajskom transgranich'e: perspektivy sozdaniya «kompromissnoj» versii obshhej istorii [Museums and memorial sites in the Russian-chinese borderland: prospects for creating a "compromise" version of a common history]. *Sravnitel'naja politika*. 14(3): 23-38. [in Russian]

«Шлюзы мобильности» в имперской России: взаимодействие с иноэтничными мигрантами (на примере китайцев)

Андрей Александрович Авдашкин^{a, *}

^a Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимодействия мигрантов и российских властей на примере китайцев. Основное внимание автора фокусируется на узлах, или т.н. шлюзах мобильности. В качестве исследовательской оптики автор использует концепцию «шлюзов трансконтинентальной миграции», сформулированную Ф.Б. Шенком, где рассматривались пункты контроля и взаимодействий на ключевых транспортных узлах. Повествование сосредоточено на двух основных

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: adrianmaricka@mail.ru (А.А. Авдашкин)

локациях: переселенческие пункты и китайский квартал «Миллионка» во Владивостоке. Опираясь на документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Объединённого государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), материалы периодической печати, анализируется взгляд на взаимодействие с китайскими мигрантами в таких локациях. Учитывая непростой контекст взаимодействия, с одной стороны, китайцы воспринимались как безликий актор процессов мобильности (один из многих) или как необходимая рабочая сила, а с другой – китайцы выглядели источником многочисленных санитарных рисков, социальных проблем, вызванных ситуацией в принимающем обществе. Представители органов власти нередко акцентировали в своих наблюдениях проблемы антисанитарии, скученности и факты девиантного поведения, что, осознанно или нет, но всё же приводило к определённой дегуманизации мигрантов. Опыт повседневного взаимодействия в условиях функционирования таких «шлюзов мобильности» мог повлечь за собой долгосрочные последствия для определения контекстов межгрупповых (межэтнических) отношений, поиска векторов в реализации государственной политики в отношении мигрантских групп и формирования этнических стереотипов в России начала XX в.

Ключевые слова: позднеимперская Россия, миграция, мобильность, китайцы, Челябинский переселенческий пункт, Миллионка.